

одеждами, и слезами) глубокую сердечную скорбь.

Так соединились в смерти те, кого в жизни прочно связала верная любовь. Поньше еще можно видеть на могиле их статуи, столь искусно изваянные из гранита, что если бы они двигались, их можно было бы считать живыми. В самом деле, когда глядишь на эти печальные лица, думаешь, что лишь скорбь и тоска, сжимающая сердца влюбленных, мешает им говорить и сетовать на свою судьбу. Рыцарь опирается на правое колено, а под мышкой у него – обнаженная шпага, которая вытесана из крапчатой яшмы и оттого кажется окровавленной; он подносит принцессе яблоко из этого же камня (как если бы Адам искушал Еву). За ними, с пронзенным плечом, Адилон (чье тело было увезено в его родной край): он льет на яблоко яд. Подле влюбленных черная колонна, на ней стоит Купидон, поправший одной ногой голову Фортуны, а другой – голову смерти; он увенчан короной с надписью «Победа побежденных», а в руках держит плиту из чистого золота, на которой можно прочесть:

*Cor fuerat bini unum, mens una, viator,
Quarum nunc unus contegit ossa lapis.*

Что на нашем языке означает:

*Едины духом эти двое были,
И под одной плитой они почивали.*

Так начертано по-латыни, ибо латынь – преложительница всех наречий; внизу же к чести нашего французского языка сделана следующая надпись:

*Яблоко, несчастный дар!
Роковою красотою
Древле ты зажгло пожар,
Обративший в пепел Прою.
А теперь свой злой обман
Погубил чету влюбленных;
Украшение двух стран,
Горной цепью разделенных.*

Что думаете вы, досточтимые дамы и господа, об этой печальной и горестной истории? Мыслима ли более глубокая, более искренняя любовь? И со всем тем – могли ли влюбленные ожидать худшего воздаяния за свое чувство, притом совершенно незаслуженного, без всякой вины кого-либо из них? Этим и подтверждается мое мнение, согласно которому все несчастья происходят от превратностей судьбы. Таков закон дел человеческих: счастье и несчастье чередуются столь же неизбежно, как после дождя бывает солнце, а после солнца дождь; поэтому следует помнить, что колесо не перестает вращаться, и, возносясь наверх, ждать падения вниз. Некоторые философы полагают даже, что больные счастливее здоровых: те ожидают выздоровления, а эти – болезни. Оттого-то благоразумный царь Египта расторг союз и договор с Поликратом,⁵⁰¹ царем Самоса, который был так удачлив, что ни одно из его предприятий не доставляло ему и малого огорчения: вспомнить хотя бы поимку рыбы, в чьем брюхе был найден бесценный перстень, нарочно брошенный в море этим баловнем судьбы, желавшим ощутить досаду и печаль. Египтянин же отверг его дружбу только потому, что знал: столь великое счастье не может не смениться столь же великой бедой. Так и случилось: спустя малое время счастливец лишился своего царства и позорно кончил жизнь на виселице. Приходят мне на память и слова Терамена,⁵⁰² сказанные после того, как среди пира, где он был вместе с двадцатью девятью другими царями, дом рухнул и все, кроме него, погибли. Видя свою необычайную удачу, он вскричал: «О Юпитер, для какого несчастья ты

⁵⁰¹ Поликрат – легендарный царь (точнее, тиран) Самоса, живший в VI в. до н. э.

⁵⁰² Терамен – афинский государственный деятель, способствовавший установлению тирании (V в. до н. э.).